

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 141—153.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 141—153.*

Научная статья
УДК 001:316.77:130.2
EDN <https://elibrary.ru/ozoirt>
DOI: 10.46726/И.2026.2.17

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРЫ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

*Екатерина Андреевна Антюхова,
Марина Давидовна Крынжина*

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
г. Москва, Россия, e.antyukhova@gmail.com, m.krynzhdina@inno.mgimo.ru

Аннотация. В представленной статье авторы обосновывают и вводят в научный оборот концепт «культуры популяризации научного знания» как совокупности ценностей (аксиологическое измерение), норм, практик и институтов (политическое измерение), обеспечивающих доступность научных результатов широкой аудитории. Систематизируют теоретические основы культуры популяризации научного знания как философского, социокультурного, общественно-политического и коммуникативного феномена и раскрывают его содержание. Особое внимание уделяется европоцентричной природе современной культуры популяризации, сложившейся под влиянием просветительских традиций и глобализационных процессов. Проведена реконструкция социокультурного и политического контекста, в котором развивалась и эволюционировала культура популяризации научного знания начиная с эпохи Просвещения до наших дней. Показано, что «популяризация» науки в ее современном прочтении представляет собой более утилитарный, инструментальный, прагматичный и локальный процесс, направленный на адаптацию и передачу уже существующих (то есть доказанных, обоснованных и согласованных в пределах экспертного сообщества) научных знаний широкой аудитории, не обладающей специализированной подготовкой. Ее основная цель заключается в том, чтобы сделать науку доступной, понятной и интересной для неспециалистов, преодолевая разрыв между академическим знанием и повседневным опытом. В отличие от просветительской утопии всеобщего освобождения, популяризация публично не декларирует перед собой задачу кардинального изменения мировоззрения или социальных структур. Вызовы цифровизации и деглобализации, вкупе со стремлением государств и обществ к формированию собственных стратегий научно-технологического развития, требуют переосмысления универсальных стандартов научной коммуникации, сформированных под влиянием европейской культуры, просветительских традиций, неолиберальных принципов и глобализационных процессов.

Ключевые слова: культура популяризации научного знания, популяризация науки, научные коммуникации, Просвещение, общественное понимание науки

Для цитирования: Антюхова Е.А., Крынжина М.Д. Концептуальные основы культуры популяризации научного знания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С.141—153.

© Антюхова Е.А., Крынжина М.Д., 2026

Подходы к популяризации как изложению информации в доступной форме, либо как к деятельности с целью сделать какое-либо знание широко известным, существенно сужают границы понимания данного явления. Современные вызовы цифровизации и деглобализации, с которыми сталкивается всемирная общественность, расширяют рамки анализа сущности процесса популяризации научного знания как социально значимого вида деятельности.

Системное описание процесса популяризации научного знания как особого вида культуры позволяет по-новому интерпретировать значение этой деятельности в современном обществе. Подходы к культуре как интерпретативной [Гирц] системе коммуникативных [Хабермас] и дискурсивных [Фуко] практик позволяют рассматривать культуру популяризации научного знания как систему ценностей (аксиологический уровень), норм (нормативный), практик (практический) и институтов (институциональный). Выделение этих уровней формирует теоретическую модель изучения сложного процесса популяризации как феномена социальной действительности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения культуры популяризации научного знания как содержательно сложного феномена, являющегося барометром состояния трансформационных процессов, происходящих во всех сферах общественной жизни.

Основы для изучения популяризации научного знания как культуры заложила постпозитивистская философия науки в лице М. Полани [Полани], Т. Куна [Кун], И. Лакатоса [Лакатос] и П. Фейерабенда [Фейерабенд]. Нравственные ценности и императивы науки подробно исследованы в трудах отечественных авторов В.С. Степина [Степин], А.П. Огурцова [Огурцов], В.В. Миронова [Миронов], Б.Г. Юдина [Юдин].

М. Полани одним из первых обратил внимание на то, что популяризация научных фактов важна как средство легитимации результатов научной деятельности и принятия научных фактов как части фиксированного знания последующими поколениями. «Любая искренняя оценка науки со стороны неспециалистов зависела и зависит от оценки той красоты, хотя бы и воспринятой лишь из вторых рук, и представляет собой отголосок тех ценностных норм, установление которых (как тому учат в общеобразовательных школах) является прерогативой группы признанных культурных лидеров» [Полани: 247].

В дальнейшем этот тезис развил П. Бурдьё, показав, что «профессионалов объяснения и публичного выступления — социологов, историков, политиков, журналистов и т. п. — объединяют две вещи: с одной стороны, они работают над экспликацией принципов видения и деления практик, с другой стороны, они борются, каждый в своем пространстве, за навязывание этих принципов и за возможность признания их в качестве легитимных категорий конструирования социального мира» [Бурдьё: 123].

Популяризация науки традиционно была объектом пристального интереса исследователей в советское время. Ряд исследователей изучали цели и задачи популяризации научного знания с позиций марксизма-ленинизма [Лазаревич; Панков].

Работы А.Ю. Багияна [Багиян], Н.Г. Багдасарьяна [Багдасарьян, Сонина], П.Н. Демченко [Демченко], М.В. Загидуллиной [Загидуллина], Е.Г. Константиновой [Константинова], Е.Е. Макаровой [Макарова], А.Л. Самсонова [Самсонов], Т.Ю. Сорокиной [Сорокина], С.П. Суворовой [Суворова], В.И. Штепы [Штепа] посвящены теоретическому осмыслению популяризации научного знания, в том числе ее современному состоянию, актуальным задачам и новым явлениям, ей присущим.

Метод исследования культуры популяризации научного знания основывается на теории культурной гегемонии А. Грамши, которая рассматривает, как доминирующие социальные группы продвигают свои ценности, нормы и идеологические конструкты через культурные, образовательные и политические институты, формируя тем самым мировой консенсус вокруг внедряемых практик и используя последние как средство легитимации определенных ценностей в глобальном масштабе.

Этот подход позволяет проанализировать процесс формирования ценностных оснований культуры популяризации научного знания и утверждения глобальной гегемонии западноевропейских норм, стандартов и практик в контексте культуры популяризации научного знания. Методы исторического исследования и интеллектуальной истории позволяют осуществить реконструкцию социокультурного и политического контекста, в котором развивалась и эволюционировала культура популяризации научного знания начиная с эпохи Просвещения до наших дней.

Проблема терминологии: исследование феномена культуры популяризации научного знания может быть осуществлено только в условиях устранения терминологической путаницы. Применительно к процессу трансляции научного знания от ученых во внешнюю среду в зарубежной и отечественной литературе используются различные термины, среди которых в качестве наиболее употребляемых следует выделить следующие: «научные коммуникации», «общественное понимание науки», «публичная наука», «медиатизация науки», «популярная наука», «популяризация науки».

Международная наука, выраженная в англоязычном лингводискурсе, оперирует двумя разными по смыслу терминами — “science communication” и “scientific communication”, — имеющими одинаковый перевод на русский язык (в пер. с англ. — «научные коммуникации») [Крынжина]. Г. Мензель в 1958 году описал “scientific communication” как «совокупность публикаций, средств, случаев, институциональных механизмов и обычаев, которые влияют на прямую или косвенную передачу научных сообщений среди ученых» [Menzel: 31]. То есть речь идет о внутренней научной коммуникации, которая является неотъемлемой частью существования научного сообщества в целом. Исследование научной коммуникации как “scientific communication” относится, в первую очередь, к области социологии науки и сфере науковедения. Научная коммуникация здесь рассматривается в качестве формы взаимоотношений между учеными, а научное поле как социальная структура со своими средствами и методами передачи информации. Поскольку взаимодействие субъектов научного знания, как правило, осуществляется на базе университетов и институтов, в рамках которых исследователи реализуют свою научную деятельность, то вполне правомерно называть внутреннюю научную коммуникацию академической [Крынжина].

Как самостоятельное направление исследований “science communication” выделилось из социологии науки в конце XX века под влиянием комплекса социальных, технологических и институциональных трансформаций. Рост общественного интереса к науке вкупе с демократизацией знания (инициатива «открытая наука») потребовал от научного сообщества большей прозрачности и диалога с обществом, что стимулировало развитие профессиональных практик коммуникации представителей научного сообщества с внешней средой.

Распространение Интернета и развитие социальных медиа радикально изменило каналы распространения научных знаний, сделав их более доступными благодаря цифровым платформам и интерактивным форматам. Изучение научных

коммуникаций сквозь эту исследовательскую призму вышло за рамки изучения коммуникаций внутри науки, т. е. анализа процедур профессионального общения в научном сообществе, призванных установить взаимосвязь между процессами получения интеллектуального результата, его экспертизы и внедрения в научное поле.

«Внешние» научные коммуникации подразумевают организованные и спланированные действия, направленные на передачу научных знаний, методологии, методов и практик в тех случаях, когда существенной частью аудитории являются неспециалисты.

Таким образом, использование термина «научные коммуникации» в контексте исследования процесса передачи научных знаний от ученых во внешнюю среду не является релевантным, так как охватывает гораздо более широкий спектр взаимодействий, включая обмен информацией внутри академического сообщества, а также между представителями науки, бизнеса, государственных структур, медиа и общественности.

Введение в научный оборот проблемы «общественного понимания науки» обусловлено публикацией доклада У. Бодмера в 1985 году под заголовком “Public Understanding of Science” (пер. с англ. — «Общественное понимание науки»), представленного на собрании Лондонского королевского общества. У. Бодмер впервые публично предположил, что национальное процветание общества напрямую связано с тем, как общественность воспринимает деятельность ученых. Он призвал скоординировать усилия образовательных учреждений, правительства и частных организаций для того, чтобы вырос общий уровень общественного понимания науки. Проблема общественного понимания или восприятия науки фокусируется при данном подходе на уровне научной грамотности населения как ключевом показателе эффективного взаимодействия общества и науки. Употребление термина «общественное понимание науки» в научном дискурсе отсылает к анализу образовательных и институциональных практик. Однако исследование феномена культуры популяризации научного знания выходит далеко за рамки повышения уровня осведомленности общества о результатах научной деятельности.

Термин «публичная наука», часто встречаемый в зарубежных публикациях, обозначает такой подход к научной деятельности, при котором наука рассматривается не как закрытая академическая сфера, а как открытый процесс, активно вовлекающий в диалог широкие слои общества.

В научном дискурсе данный термин акцентирует внимание на взаимодействии и сотрудничестве ученых и общества, подчеркивая важность совместного производства знаний экспертами и неспециалистами (гражданская наука), включения дискуссий по поводу гипотез, методов и результатов научной деятельности в общественный дискурс с целью выработки конструктивных решений социально значимых проблем с учетом разнообразных точек зрения [Irwin 2006].

Исследование роли «публичной науки» в современном обществе фокусируется на выявлении и систематизации практик вовлечения неспециалистов в научно-исследовательский процесс, выраженный в феномене «гражданской науки» [Irwin 2002]. В то же время передача научного знания от ученых во внешнюю среду не должна ограничиваться анализом практик сотрудничества, так как культура популяризации научного знания включает в себя широкий спектр социальных взаимодействий, формирующих восприятие науки как части общественной культуры и идентичности.

Термин «медиатизация науки», несмотря на широкое распространение в коммуникативистике понятия «медиатизация» в значении описания процесса влияния медиа на все сферы общественной жизни без исключения, будь то политика,

спорт или образование [Наседкина], ограничивает рамки исследования культуры популяризации научного знания изучением влияния новых технологий и социальных медиа на процесс распространения знания.

Термин «популярная наука» (пер. на англ. — “popular science”) имеет различные коннотации. Например, А.В. Даум предлагает выйти за рамки исследования различных форм популярной науки за счет понимания ее как изменчивого набора процессов, практик и акторов, которые порождают и трансформируют публичные знания в разных временных периодах, пространствах и культурах [Daum].

В отечественных научных публикациях история возникновения научно-популярных жанров исследуется с позиций “popular science”. А.Г. Ваганов, анализируя процесс развития научной популяризации как жанра периодической печати, предлагает ограничивать период развития «народной науки» (popular Science) XVII—XVIII вв. — временем, когда за счет развития книгопечатания и усиления интереса к науке благодаря просветительской деятельности, широкая публика начала знакомиться с результатами научной деятельности [Ваганов].

Можно резюмировать, что в российском научном дискурсе исследования «популярной науки» фокусируются на анализе эволюции форм и методов популяризации научного знания, истории научной журналистики и развитии научно-популярной периодической печати. Однако само по себе исследование инструментов и механизмов распространения научного знания не выражает всех аспектов культуры популяризации научного знания как социально значимого феномена.

Употребление понятия «популяризация» применительно к изучению сущности феномена культуры распространения научных знаний от ученых во внешнюю среду в русскоязычном научном дискурсе представляется наиболее концептуально обоснованным. Термин «популяризация научного знания», не ограничиваясь констатацией факта передачи информации, предполагает активную трансформацию массово-информационного дискурса, его адаптацию к культурным, когнитивным и языковым особенностям неспециалистов, что делает его особенно релевантным для анализа тех практик, которые направлены на преодоление разрыва между наукой и обществом и вовлечение неспециалистов в научно-исследовательский процесс.

Однако использование понятия «популяризация» сопряжено с рядом эпистемологических проблем, первая из которых заключается в его аксиологической нагруженности. *Аксиологическое измерение культуры популяризации научного знания* обусловлено тем, что в отличие от нейтрального понятия «научные коммуникации», которое лишь констатирует факт передачи информации, «популяризация науки» изначально предполагает позитивную ценностную оценку: в ее основе лежит идея эпохи Просвещения, согласно которой распространение научных знаний среди широких масс является безусловным благом.

Формирование европейской науки и ее дальнейшее развитие были обусловлены становлением в XVIII в. нового, механистического подхода к исследованию мира. Ядро нового подхода составила идея «Вселенной как машины» или «модели мира как часового механизма», согласно которой сама Вселенная и части ее как целого представляют собой сложно устроенный механизм.

Механистический подход нашел свое выражение в противоборствующих физических теориях своего времени, картезианской, основанной на геометрии, и ньютоновской физике, основанной на математике, как двух философско-методологических концепциях. При этом именно благодаря активной просветительской (или, вернее сказать, популяризаторской) деятельности Ф.-М. Вольтера последняя утвердилась в научном дискурсе.

Решающим фактором в этом вопросе стало издание Ф.-М. Вольтером «Философских писем», где в доступной для широкой аудитории форме были изложены основные положения ньютоновской физики. Ф.-М. Вольтер не только разъяснил суть ньютоновских идей, но и подверг критике недостатки картезианства, подчеркнув, что последнее не способно объяснить многие наблюдаемые явления, в то время как ньютонианство опирается на строгие экспериментальные данные и математический аппарат. Его работа вызвала широкий общественный резонанс, несмотря на официальный запрет во Франции, что лишь усилило интерес к ньютонианству как к символу научного прогресса и рационализма [Огурцов].

Следует отметить, что фундаментальное различие концептов «популяризация» и «просвещение» содержится в стратегиях взаимодействия со знанием. Просвещение как философско-культурное движение XVIII века, ставило перед собой глобальную задачу эмансипации человеческого разума через распространение критического мышления, научных знаний и рациональных принципов организации общества.

В свою очередь, «популяризация» науки в ее современном прочтении, напротив, представляет собой более утилитарный, инструментальный, прагматичный и локальный процесс, направленный на адаптацию и передачу уже существующих (то есть доказанных, обоснованных и согласованных в пределах экспертного сообщества) научных знаний широкой аудитории, не обладающей специализированной подготовкой.

Ее основная цель заключается в том, чтобы сделать науку доступной, понятной и интересной для неспециалистов, преодолевая разрыв между академическим знанием и повседневным опытом. В отличие от просветительской утопии всеобщего освобождения, популяризация публично не декларирует перед собой задачу кардинального изменения мировоззрения или социальных структур.

Если просвещение стремилось к перевоспитанию общества через радикальную смену ценностей, то популяризация фокусируется на интеграции научных знаний в существующую культурную парадигму, не претендуя на революционные преобразования. Таким образом, просвещение было проектом социальной и интеллектуальной европейской революции, тогда как популяризация науки в ее современном виде выступает как инструмент демократизации знания в рамках сложившихся общественных отношений, сохраняя при этом публично декларируемую нейтральность по отношению к их переустройству.

Такое понимание популяризации как способа адаптации научного знания для неспециалистов порождает вторую эпистемологическую проблему, обусловленную рисками упрощения, искажения и манипулирования научными знаниями. Рассуждая о роли популяризации научного знания, С. Хильгартнер справедливо отмечает, что «господствующая в культурном отношении точка зрения на популяризацию науки основывается на двухэтапной модели: сначала ученые создают подлинные знания, затем популяризаторы распространяют упрощенные версии этих знаний среди широкой публики. В результате, в лучшем случае, популяризация рассматривается как низкостатусная образовательная задача. В худшем случае — ее считают опощением, искажением науки внешними силами» [Hilgartner: 534].

Хотя С. Хильгартнер отмечает, что ограничения данного подхода обусловлены социальной структурой научного сообщества, которое неоднородно, состоит из многочисленных групп, придерживающихся различных точек зрения, он не учитывает, что научное сообщество благодаря транснационализму и проникновению неолиберальной идеологии во все сферы общественной жизни, в том числе и науку, привело к формированию науки глобальной, обеспеченной международными

стандартами, сформулированными по западноевропейским образцам. В этом разрезе его суждение о «золотом стандарте» научного знания и популяризации этого знания оказывается актуальным в контексте национальных моделей науки. То, что доминирующими глобальными научными группами преподносится как подлинное знание, достойное популяризации, зачастую оказывается «искажением» для периферийных научных культур.

Ошибочно полагать, что смысл популяризации в XXI в. ограничивается информированием, вовлечением и формированием научной грамотности как основы для осознанного участия в современном мире. *Политическое измерение культуры популяризации научного знания* обусловлено тем, что Просвещение как европейский феномен изначально было детерминировано стремлением к доминированию как над природой, так и над социальными структурами.

Центральным принципом просветительской парадигмы XVII—XVIII вв. выступает формула Ф. Бэкона: «знание — сила», подразумевающая, что рациональное познание мира позволит человеку освободиться от оков религиозных догм и «суеверий», которые, по мнению просветителей, препятствовали установлению контроля над природными процессами и рациональной организации общества. Согласно этой логике, преодоление «темноты» средневековья, характеризовавшейся страхом перед непознанными силами природы, должно было привести к обретению человеком суверенитета как в познавательном, так и в практическом отношении. Р. Рорти считает, что «Просвещение сплетало свою политическую риторику главным образом вокруг образа ученого, понимаемого как своего рода священнослужителя, который добился контакта с нечеловеческой истиной, будучи “логичным”, “методичным” и “объективным”» [Рорти: 81].

Т. Адорно полагает, что Просвещение было ориентировано на формирование нового типа автономной, способной к самостоятельному суждению и активному участию в преобразовании социальной реальности личности. Просвещение предполагало системное изменение мировоззрения, нравственных норм и политических институтов, наивно рассматривая знание как инструмент освобождения человека от всех форм угнетения, будь то религиозное, политическое или интеллектуальное.

В этом смысле просветительский проект носил универсальный и трансформационный характер, нацеленный на коренное переустройство общества на основе веры в преобразующую силу разума. Однако реалии современной жизни показывают, что вера представителей эпохи Просвещения в преобразующую силу разума не оправдалась на практике. Разум и прогресс наук не избавляет общество от предрассудков и предрешений. Прогресс наук не приводит ни к формированию разумного политического устройства, ни к совершенствованию общественной морали и нравственности. Вызовы XXI в. доказывают обратное — ведь знание доступно широким массам как никогда прежде. Итогом Просвещения стало не освобождение, а новый вид зависимости [Horkheimer].

Р. Рорти считает, что в современном мире естественные науки перестали играть роль самых интересных наук (он их называет «волнующей областью культуры» [Рорти: 81]), а наука стала инструментом достижения политических целей. С. Хильгартнер также рассматривает популяризацию как политический инструмент в публичных дискуссиях, полагая, что главная концептуальная проблема популяризации заключается в том, что популяризируемое знание противопоставляется знанию подлинному так, как будто это суть два разных знания. «Концепция чистоты требует концепции загрязнения, а идея популяризации подразумевает идеализированное представление о подлинном, объективном, научно-сертифицированном

знании <...> эта точка зрения на популяризацию предоставляет ученым широкие полномочия определять, какие упрощения являются «уместными» (и, следовательно, полезными), а какие — «искажениями» (и, следовательно, бесполезными или даже вредными). В результате научные эксперты обладают большой гибкостью в публичных дискуссиях» [Hilgartner: 520].

Более того, особенность положения культуры популяризации науки как социального феномена заключается в том, что современная наука изначально развивалась как осознанно международное предприятие, объединявшее участников поверх государственных границ [Коннов]. Более того, современное воплощение культуры популяризации научного знания сформировалось под влиянием глобализационных процессов, продиктованных неолиберальным поворотом во взаимодействии науки и общества.

Признавая то, что неолиберализм как идеология сформировался в Европе и был изначально адаптирован под европейские реалии, следует заключить, что и культура популяризации научного знания как набор норм, институтов и практик является по своей сути, как и вся современная наука, западноевропейским феноменом.

Сотрудники Национальной академии наук, инженерии и медицины Соединенных Штатов в 2017 году выделили пять общих целей научной коммуникации в значении “science communication” (т. е. в значении популяризации научного знания): 1) обмен новейшими результатами научной деятельности, усиление интереса к научной деятельности; 2) обеспечение общественного признания науки; 3) повышение уровня знаний и улучшение понимания науки; 4) влияние на мнения, политические предпочтения или поведение людей; 5) обеспечение условий для поиска решений социальных проблем с учетом многообразия точек зрения на науку, которых придерживаются разные группы [National Academies...].

Таким образом, популяризацию научного знания следует рассматривать не столько как механизм трансляции специализированной информации, сколько как процесс конструирования культурных значений и когнитивных рамок, определяющих восприятие науки обществом. В этом контексте она выполняет функцию формирования культурного кода, который интегрирует научные представления в систему коллективных смыслов, влияя на мировоззренческие ориентации, ценностные установки и социальные практики. Популяризация, таким образом, выступает не только инструментом просвещения, но и механизмом культурной легитимации науки, способствующим ее институционализации в повседневной жизни и массовом сознании.

Р. Рорти предлагает «признать, что констелляции каузальных сил, вызвавшие разговор о ДНК или о Вселенском взрыве, и каузальные силы, вызвавшие разговор о “секуляризации” или о “позднем капитализме”, являются однородными. Будучи случайными факторами, эти различные констелляции сделали именно эти, а не другие вещи предметом нашего разговора, именно эти, а не другие проекты возможными и важными» [Рорти: 38]. Следует полагать, что в данном абзаце под «разговорами» Р. Рорти понимает дискуссии внутри научного сообщества, вектор направления научного развития внутри определенных групп ученых.

Соглашаясь с данным утверждением, мы рискуем признать, что и «разговоры» в среде неспециалистов также обусловлены случаем: те или иные события, представленные средствами массовой коммуникации в виде новости, популяризируются независимо от воли их создателей. То есть по воле случая. Тогда мы должны сделать логический вывод, что популяризация — это процесс, не подверженный влиянию извне и, как следствие, не поддающийся измерению.

Однако на практике именно западные институты, университеты и медиа играют ключевую роль в формировании международных норм, этических принципов и практик культуры популяризации научного знания, выступая не только как центры генерации и трансляции знаний, но и как нормативные агенты, устанавливающие стандарты качества, достоверности и этики научной коммуникации. Университеты, в особенности ведущие западные исследовательские центры, такие как Гарвард, Оксфорд или Массачусетский технологический институт, активно разрабатывают и внедряют институциональные протоколы популяризации науки, включая программы подготовки ученых к взаимодействию с широкой аудиторией, курсы по научной коммуникации и этические кодексы, регулирующие баланс между доступностью информации и ее научной строгостью [Lewenstein].

Медиа, в свою очередь, выступают в качестве основного канала трансляции нормативных принципов, определяя, какие научные темы станут предметом общественного обсуждения, а какие останутся на периферии. Крупные западные медиакорпорации не только популяризируют науку, но и формируют этические рамки ее презентации, с одной стороны, декларируя следование универсальным стандартам проверки фактов, а с другой — через механизмы фрейминга определяя, какие аспекты научного знания являются социально значимыми, а какие — маргинальными или спорными.

Как отмечает Б. Тренч, «популяризация науки не может быть нейтральной; она всегда встроена в социальные, политические и культурные контексты, которые определяют, какие знания считаются легитимными, а какие — маргинальными» [Trench: 118]. Этот тезис подчеркивает, что нормы популяризации формируются не только внутри научного сообщества, но и под воздействием внешних факторов, таких как государственная политика, рыночные механизмы медиа и общественные ожидания.

Такие медиа, как *Science* и *Nature*, являются одновременно и инструментами глобальной экспансии западных нормативных стандартов научно-исследовательской деятельности, и механизмами трансляции определенных представлений о том, как должна выглядеть «правильная» популяризация науки [Schroeder, Palmer: 78].

В XXI веке цифровые технологии, социальные медиа, концепция открытого доступа к научным исследованиям, а также новейшие технологии ИИ радикально трансформируют способы передачи и восприятия научных идей. Культура популяризации научного знания играет особую роль в условиях фрагментации мирового порядка и усиления влияния национальных и цивилизационных идентичностей. Именно от состояния культуры популяризации научного знания в обществе зависит легитимность определенных научных и политических нарративов, то, какие научные идеи становятся частью массового сознания, а какие остаются на периферии, доверие или недоверие к общественным институтам и властным структурам, уровень консолидации или, напротив, поляризации общества в отношении актуальных проблем. Вызовы цифровизации и деглобализации, вкуче со стремлением государств и обществ к формированию собственных стратегий научно-технологического развития, требуют переосмысления универсальных стандартов научной коммуникации, сформированных под влиянием европейской культуры, просветительских традиций, неolibеральных принципов и глобализационных процессов.

Реализация системного анализа популяризации научного знания как особого вида культуры открывает практические возможности для разработки эффективных государственных стратегий в сфере научной политики, что особенно важно в эпоху, когда результаты научной деятельности являются ключевым ресурсом социально-экономического развития, а их популяризация — ресурсом международного влияния.

Список литературы / References

- Багдасарьян Н.Г., Сони́на Л.А. Мнимые единицы публикационной активности в обществе потребления // Высшее образование в России. 2020. № 12. С. 86—94.
(Bagdasaryan N.G., Sonina L.A. Fictitious units of publication activity in a consumer society, *Higher Education in Russia*, 2020, no. 12, pp. 86—94. — In Russ.)
- Багьян А.Ю. Сущностные свойства и основные характеристики научно-популярного дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 3. С. 81—86.
(Bagiyana A.Yu. Essential properties and main characteristics of popular science discourse, *Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, 2014, no. 3, pp. 81—86. — In Russ.)
- Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М.: Прагматика культуры, 2002. 159 с.
(Bourdieu P. On television and journalism, Moscow, 2002, 159 p. — In Russ.)
- Ваганов А.Г. Спираль жанра: от «народной науки» до развлекательного бизнеса. М.: URSS: Ленанд, 2014. 213 с.
(Vaganov A.G. The spiral of the genre: from “folk science” to entertainment business, Moscow, 2014, 213 p. — In Russ.)
- Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Культурология XX век: Дайджест. 1997. № 1. С. 103—138.
(Geertz C. “Thick description”: in search of an interpretive theory of culture, *Cultural Studies XX Century: Digest*, 1997, no. 1, pp. 103—138. — In Russ.)
- Демченко П.Н., Мальцев И.В. Медиатизация как фактор повышения интереса к современным научно-популярным СМИ (на примере журналов «Наука и жизнь» и «Популярная механика») // Научный диалог. 2021. № 3. С. 171—189.
(Demchenko P.N., Maltsev I.V. Mediatization as a factor in increasing interest in modern popular science media (on the example of the magazines “Science & Life” and Popular mechanics”), *Scientific Dialogue*, 2021, no. 3, pp. 171—189. — In Russ.)
- Загидуллина М.В. Популяризация и наука: о конфликте институциональных логик // Медиасреда. 2024. № 2. С. 76—79.
(Zagidullina M.V. Popularization and science: on the conflict of institutional logics, *Media Environment*, 2024, no. 2, pp. 76—79. — In Russ.)
- Коннов В.И. Философско-антропологические основания культуры российского научного сообщества: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2023. 408 с.
(Konnov V.I. Philosophical and anthropological foundations of the culture of the Russian scientific community: diss. ... Candidate of Sciences (Philosophy), Moscow, 2023, 408 p. — In Russ.)
- Константинова Е.Г. Популяризация науки на современном российском экране: кризис направления и пути преодоления // Медиаскоп. 2009. № 1. URL: <https://clck.ru/3TtRGj> (дата обращения: 03.02.2026)
(Konstantinova E.G. Popularization of science on the modern Russian screen: the crisis of direction and ways to overcome it, *Mediascope*, 2009, no. 1. — In Russ.)
- Крынжина М.Д. Влияние неолиберализма на модели научной коммуникации // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6, № 2. С. 119—137.
(Krynzhina M.D. The influence of neoliberalism on models of scientific communication, *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 119—137. — In Russ.)
- Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ: Ермак, 2003. 365 с.
(Kuhn T. The structure of scientific revolutions, Moscow, 2003, 365 p. — In Russ.)
- Лазаревич Э.А. Искусство популяризации. М.: АН СССР, 1960. 190 с.
(Lazarevich E.A. The art of popularization, Moscow, 1960, 190 p. — In Russ.)
- Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки: доказательства и опровержения (как доказываются теоремы). История науки и ее рациональные реконструкции. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 2008. 475 с.
(Lakatos I. Selected works on the philosophy and methodology of science: proofs and refutations (how theorems are proved), History of science and its rational reconstructions. Falsification and the methodology of scientific research programs, Moscow, 2008, 475 p. — In Russ.)

- Макарова Е.Е. Популяризация науки в Интернете: содержание, формы, тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2013. № 2. С. 98—104.
(Makarova E.E. Popularization of science on the Internet: content, forms, development trends, *Bulletin of Moscow University, Series 10: Journalism*, 2013, no. 2, pp. 98—104. — In Russ.)
- Миронов В.В. Философия и метаморфозы культуры. М.: Современные тетради, 2005. 422 с.
(Mironov V.V. Philosophy and metamorphoses of culture, Moscow, 2005, 422 p. — In Russ.)
- Наседкина Н.И. Сущность медиатизации как явления современного общества // *Universum: филология и искусствоведение*. 2018. № 9 (54). С. 15—17.
(Nasedkina N.I. The essence of mediatization as a phenomenon of modern society, *Universum: Philology and Art Criticism*, 2018, no. 9 (54), pp. 15—17. — In Russ.)
- Огурцов А. П. Философия науки эпохи Просвещения. М.: ИФ РАН, 1993. 213 с.
(Ogurtsov A.P. Philosophy of science of the Enlightenment era, Moscow, 1993, 213 p. — In Russ.)
- Панков А.В. Популяризация науки в периодической печати (на материале литературно-общественно-политических: дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 217 с.
(Pankov A.V. Popularization of science in the periodical press: based on the material of literary, social, and political magazines: dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Moscow, 1973, 217 p. — In Russ.)
- Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
(Polanyi M. Personal knowledge: Towards a post-critical philosophy, Moscow, 1985, 344 p. — In Russ.)
- Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с.
(Rorty R. Contingency, irony, and solidarity, Moscow, 1996, 282 p. — In Russ.)
- Самсонов А.Л. Экология чтения и роль научной популяризации // Информационные технологии, компьютерные системы и издательская продукция для библиотек. 2007. С. 15—18.
(Samsonov A.L. Ecology of reading and the role of scientific popularization, *Information technologies, computer systems and publishing products for libraries*, 2007, pp. 15—18. — In Russ.)
- Сорокина Т.Ю. Наука и СМИ: в поисках оптимальной модели взаимодействия // В современном мире. 2012. С. 72.
(Sorokina T.Yu. Science and mass media: in search of an optimal model of interaction, *In the Modern World*, 2012, p. 72. — In Russ.)
- Степин В.С. Человек. Деятельность. Культура. СПб.: СПбГУП, 2018. 796 с.
(Stepin V.S. *Man. Activity. Culture*, St. Petersburg, 2018, 796 p. — In Russ.)
- Суворова С.П. Журналистика научная и научно-популярная: особенности предметной области, функций и задач // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2009. № 6. С. 14—23.
(Suvorova S.P. Scientific and popular science journalism: features of the subject area, functions and tasks, *Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism*, 2009, no. 6, pp. 14—23. — In Russ.)
- Фейерабенд П. Против метода: очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, 2007. 413 с.
(Feuerabend P. Against method: outline of an anarchistic theory of knowledge, Moscow, 2007, 413 p. — In Russ.)
- Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. 416 с.
(Foucault M. The archaeology of knowledge, St. Petersburg, 2004, 416 p. — In Russ.)
- Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. 6, № 1. С. 303—312.
(Habermas J. The theory of communicative action (fragments), *Personality. Culture. Society*, 2004, vol. 6, no. 1, pp. 303—312. — In Russ.)

- Штепа В.И. Формирование информационно-коммуникативной парадигмы на примере естественнонаучной тематики в отечественной прессе. Информационная составляющая в контексте новой парадигмы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 2. С. 252—256.
(Shtepa V.I. Formation of information and communication paradigm on the example of natural science topics in the domestic press. Information component in the context of a new paradigm, *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2008, no. 2, pp. 252—256. — In Russ.)
- Юдин Б.Г. Наука и мир человека. М.: Знание, 1978. 64 с.
(Yudin B.G. Science and the human world, Moscow, Znanie, 1978, 64 p. — In Russ.)
- Daum A.W. Varieties of popular science and the transformations of public knowledge: some historical reflections, 2009, vol. 100, no. 2, pp. 319—332.
- Hilgartner S. The dominant view of popularization: Conceptual problems, political uses, *Social studies of science*, 1990, vol. 20, no. 3, pp. 519—539.
- Horkheimer M. Dialectic of enlightenment, New York, 1972, 258 p.
- Irwin A. Citizen science: A study of people, expertise and sustainable development, London: Routledge, 2002, 198 p.
- Irwin A. The politics of talk: coming to terms with the ‘new’ scientific governance, *Social studies of science*, 2006, vol. 36, no. 2, pp. 299—320.
- Lewenstein, B.V. Models of Public Communication of Science and Technology, *Communicating Science in Social Contexts*, 16 June, 2003, pp. 1—10.
- Menzel H. The flow of information among scientists: problems, opportunities, and research questions, New York, 1958, 175 p.
- National Academies of Sciences et al. Communicating science effectively: A research agenda, 2017, 158 p.
- Schroeder D., Palmer C. Ethics of Science Communication in the Digital Age, London: Routledge, 2019, 78 p.
- Trench B. Towards a New Enlightened Idle: Science Communication’s Shifting Topographies, *Practising Science Communication in the Information Age*, ed. by Holliman R, Oxford: Oxford University Press, 2008, 288 p.

CONCEPTUAL FRAMEWORK OF THE SCIENCE POPULARIZATION CULTURE

Ekaterina A. Antyukhova, Marina D. Krynzhina

Moscow State Institute of International Relations, Moscow,
Russian Federation, e.antyukhova@gmail.com, m.krynzhina@inno.mgimo.ru

Abstract. This paper substantiates and introduces into scholarly discourse the concept of “science popularization culture” as a system of values (axiological dimension), norms, practices, and institutions (political dimension) that ensure the accessibility of scientific findings to a broad audience. The authors systematize the theoretical foundations of the culture of science popularization as a philosophical, sociocultural, socio-political, and communicative phenomenon, elucidating its content. Particular attention is given to the Eurocentric nature of modern science popularization culture, shaped by Enlightenment traditions and globalization processes. The authors reconstruct the sociocultural and political context in which the culture of science popularization has developed and evolved from the Age of Enlightenment to the present day. It is projected that in the near future, the culture of science popularization may undergo significant transformations, as deglobalization and the rise of national identities turn science communication into an arena for competing epistemologies. The challenges of digitalization and deglobalization necessitate a rethinking of universal standards in scientific communication and a search for a balance between global and national approaches.

The authors conclude that science popularization fulfills several key functions: it legitimizes specific scientific and political narratives, influences which scientific ideas enter the public consciousness and which remain marginalized, shapes trust or distrust in public institutions and power structures, and contributes to either societal consolidation or polarization around pressing issues.

Keywords: science popularization culture, popular science, science communication, Enlightenment, public understanding of science

For citation: Antyukhova E.A., Krynzhina M.D. Conceptual framework of the science popularization culture, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 141—153.

Статья поступила в редакцию 30.03.2026; одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 05.05.2026.

The article was submitted 30.03.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 05.05.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Антюхова Екатерина Андреевна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России, Москва, Россия, e.antyukhova@gmail.com, SPIN: 2048-2979

Antyukhova Ekaterina Andreevna — Doctor of Sciences (Political), Associate professor, Professor at the Department of Global Political Processes, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e.antyukhova@gmail.com

Крынжина Марина Давидовна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры международной журналистики, МГИМО МИД России, Москва, Россия, m.krynzhina@inno.mgimo.ru, SPIN: 8878-3418

Krynzhina Marina Davidovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate professor at the Department of International Journalism, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, m.krynzhina@inno.mgimo.ru